

Сем. Рощин. - 1987. - Журнал - С 16

Анатолий СОФРОНОВ

Друга я никогда не забуду....

Виктор ГУСЕВ.

Только два года отделяют мой год рождения от его, но почему-то мне всегда казалось, что он много старше меня...

В 1934 году двадцатипятилетний Виктор Гусев был одним из известнейших в стране поэтов.

Прекрасно помню, как в нашей литературной группе ростовского завода «Ростсельмаш» по очереди читали «Славу», Южный вечер сух и душен. Окна распахнуты настуже. И в вязкой летней тишине звучат строки прекрасных стихов.

Каждый из нас читает по-своему, расставляя свои акценты, полагая, что только его вариант соответствует истинному смыслу. А потом мы возвращаемся по домам темными улицами, продолжая спорить, останавливаемся у фонарей и, размахивая руками, разбрасывая в светлом кругу электрического света изломанные длинные тени, доказываем свою правоту на примере других гусевских стихотворений. С Дона доносится тягучий пароходный гул, и в пыльных кронах акаций сверкают, словно запутавшиеся, грозды созвездий.

В те годы мы жили поэзией — заучивали наизусть полюбившиеся строфы, сами писали стихи и песни, засыпали со стихами и просыпались с ними. Мы не знали тогда, куда приведет нас жизненная дорога, что нас ждет впереди, но уверены были в одном — в том, что жизнь наша всегда будет связана с поэзией.

Совсем скоро эта дорога привела нас на фронты Великой Отечественной войны.

...В числе других ростовчан я оказался в газете «К победе» 19-й армии, на Западном фронте, которой тогда командовал генерал-лейтенант И. С. Конев.

Мы оставляли Смоленск.

Путь наш лежал в направлении Витебска... Армейская полуторка увозила нас туда по разбитым смоленским дорогам. Все спали вповалку в кузове — и вдруг сильный удар в темноту. Очнулся я уже на дороге. Оказалось, что на машину напали десантники. Машина была разбита. Вдалеке слышались одиночные выстрелы...

Тяжелораненный, я оказался в московском госпитале. Через четыре месяца вместе с ним был эвакуирован в Горький.

В декабре 1941 года я вернулся в Москву. Отправился в бухгалтерию Музгиза, чтобы получить гонорар за одну песню. Возле кассы ко мне подошел человек, знакомый мне по фотографии.

— Вы поэт Софронов?

— Да, — ответил, почему-то смущаясь, я.

— Матвей Блантер, — представился он. — Если не ошибаюсь, вы ростовчанин?

Я утвердительно кивнул.

— На каком фронте воеваете?

— Был на Западном, под Смоленском. Сейчас — из госпиталя...

— А вы знаете, что немцы из Ростова выбили?

— Знаю! Так они там всего пять дней пробыли...

— Софронов, а вы не хотите написать об этом песню?

Предложение было неожиданным. Мне, неизвестному поэту, предлагает написать

песню о родном городе известнейший в стране композитор? Я молчал, не веря еще в столь заманчивое предложение...

— Неужели не хотите? — Блантер с интересом смотрел мне в глаза.

— Ну что вы! Просто я думаю, смогу ли написать для вас. Но попробовать могу.

— Так давайте, Софронов, попробуйте! Блантер засмеялся.

— Матвей Исаакович, а как я вас найду?

— Сейчас я живу в гостинице «Москва». Запишите номер моего телефона. Я записал.

— Через сколько дней можно ожидать вас со стихами? — спросил он.

— Недели через две, — неуверенно ответил я.

— А где я могу вас разыскать? Где вы живете?

— В общежитии резерва Главного политуправления. Это напротив крематория, — пояснил я.

— Хорошее местожительство подыскали, — рассмеялся Блантер. — Значит, договорились? Желаю успеха и жду у себя.

В странном состоянии я ехал в общежитие. Кругом все было окрашено в серо-белые цвета. Серые шинели солдат, серое, словно припорошенное угольной пылью, небо, серые усталые лица людей и белые сугробы. А я ехал к себе «домой» в приподнятом настроении. Сама тема, основное содержание песни были для меня ясны. Но как же успеть написать всю песню за столь короткий срок? Две недели... Две недели... Припева родился как-то сразу:

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синий звездный небосклон,
Улица Садовая,
Скамейка кленовая,
Ростов-город,
Ростов-Дон.

Когда я произносил название родного города, моментально перед глазами вставала родная Садовая улица, скамейка недалеко от моего дома, где я частенько сидел в тени деревьев, читая книгу или поджидая отца, возвращавшегося с работы. Вспоминались мне и широкий Дон, и летний предрассветный город, над которым растекалось синее, светящееся на горизонте небо с россыпью тусклых звезд... Но о чем должна быть песня, что должно стать лейтмотивом песни, я никак не мог решить. Что-то мне мешало. Минувло две недели, а я еще не был готов к встрече с композитором. Прошла еще неделя, и я отправился в гостиницу «Москва». Поднявшись на нужный этаж, услышал из ближайшего номера звуки рояля. Я постучал в дверь. Музыка смолкла.

— Войдите, — услышал я голос Блантера.

Я вошел и увидел Матвея Исааковича и стоящего рядом с ним молодого человека в круглых очках с листом бумаги в руках.

— Здравствуйте, здравствуйте, Софронов, — проговорил Блантер. Я заметил некую растерянность в его голосе. — Но... вы же обещали быть у меня через две недели, а прошло уже три...

— Не получалось, Матвей Исаакович... Блантер кашлянул и, посмотрев на стоявшего рядом человека, обратился ко мне:

— А я вот вынужден был обратиться к Виктору Гусеву, чтобы он написал текст песни... Кстати, вы не знакомы?

— Нет, — ответил я. — Не приходилось встречаться.

Гусев повернулся ко мне и энергично спросил:

— А что вы должны были написать? Блантер объяснил:

— Софронов сам из Ростова... Немцы несколько дней пробыли в городе. Потом наши выбили...

— Ну, об этом не надо рассказывать! Знаем, оповещены! — перебил Гусев.

— Софронов в обещанный срок не пришел, поэтому я обратился к тебе, — проговорил Блантер.

— А теперь Софронов пришел с текстом песни, а здесь — конкурент, — подытожил Гусев.

Мне стало неловко и за то, что опоздал с песней, и за то, что поставил в неудобное положение этих людей.

— Простите, я не знал об этом, — я стал заговаривать смутный в кулаке листок со стихами в карман шинели.

Гусев остановил меня:

— Погодите, Софронов, погодите... Дайте-ка посмотреть, что вы сочинили?

Я протянул стихи. Он подошел к окну. Прочел их раз, потом другой и обратился к Блантеру:

— А знаешь, Мотя, эти стихи лучше подходят для такой песни...

— Да, но...

— Нет, ты послушай! — Гусев стал читать вторую строфу:

Пришла война суровая,
Зажгла огни багровые —
Хлебнули мы свинцового дождя...
И, оставляя город наш,
Любимый, светлый город наш,
Мы в сердце уносили, уходя,
Ростов-город, Ростов-Дон...

— Нет, Мотя, это определенно лучше. Ты обязательно напиши музыку. Песня должна быть очень хорошей... Как вы на это смотрите, Софронов?

Я растерянно пожал плечами. Известнейший поэт, которого я уважал, чьи стихи знал наизусть, предлагал знаменитому композитору писать песню со мной, а не с ним.

— Я, конечно, согласен, но как Матвей Исаакович?

— Это верно, — кивнул Гусев. — Все от композитора зависит. Помню, когда-то я написал довольно-таки простое стихотворение:

Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле,
Едут по полю герои.
Эх, да Красной Армии герои!

А дальше вы помните? «Девушки плачут, девушки сегодня грустно...»

— Честно говоря, нет! — ответил я.

— Все слова трудно запомнить. А вот композитор отбросил все лишнее, подложил на прекрасную музыку, и получилась великолепная песня. И в этом целиком заслуга композитора... Кстати, помните, кто написал музыку?

— Конечно! Книппер.

— До сих пор для меня остается загадкой, как он смог найти такой верный тон, мелодический ряд. Ведь песня стала народной... А это высшая похвала! Вы со мной согласны?

— Полностью, Виктор... — я запнулся, так как не знал отчества.

Гусев заметил мое смущение и, усмехнувшись, сказал:

— Да мы ведь с вами, Софронов, ровесники. Поэтому давайте просто: Виктор — Анатолий... Так проще...

За окном угасал зимний день. Колотые снежинки опускались на жестяной оконный козырек. Здание Манежа тонulo в сумерках. Кремлевские башни стояли неприступными громадами.

Мы уже разговаривали о разном. О положении на фронте, о жестокости фашистов на оккупированных территориях, о родных, близких, друзьях. Светомаскировка была опущена. Комната наполнилась мягким светом настольной лампы. Блантер что-то наигрывал одним пальцем на белых, словно сахарных, клавишах. Гусев говорил, что мечтает написать стихотворение о Дне Победы и вся загвоздка в том, что он не знает, в какое время года это произойдет. Заразительно смеялся, поправляя круглые очки в тонкой прозрачной оправе. Ругал тех, кто пишет вычурные стихи, ссылаясь на оригинальное и образное восприятие мира.

— Поэт должен писать на простом, понятном языке, употребляя образы чистые, но понятные тем, для кого ты пишешь. Непозволительно в поэзии грешить шаблонами канцелярщины или вычурностью отвлеченного книжного языка... Хотя, скажу честно, в молодости сам гримоздил такие конструкции! Но самый лучший учитель простоты и выразительности в поэзии — песня! Да, да... Ведь для того, чтобы ее пели, необходимы и простота, и доходчивость, и многогранность, и образность. Возьмем неверный тон, употребим шаблонную фразу — и песни не будет. Не будут петь ее! Человек поет только тогда, когда все его существо откликается на слова поэта.

Я слушал и соглашался со многими его мыслями. Уж кто-кто, а Гусев в лес не толк знал. Вся страна пела его «Полюшко-поле», «Друга я никогда не забуду» и многие другие песни.

...Пришло время прощаться. Мы пожали руки друг другу. На прощание Виктор спросил:

— Вы еще долго будете в резерве?

— Думаю, до февраля, а может, и больше.

— Я сейчас работаю в Радиокomitee... В отделе литературы, — Гусев задумался, словно что-то решал. — Так вот, хочу пригласить вас сотрудничать с нами. Вы прошли фронт. Есть литературный опыт. Давайте поработаем вместе над радиопередачами. У меня есть на этот счет некоторые соображения.

Мы усиленно встретиться в ближайшие дни.

Так состоялось мое знакомство с Виктором Гусевым, который открыл для меня в тот вечер некоторые удивительные черты своего характера.

И сегодня, считая, что без поддержки в тот день моей песни Гусевым неизвестно, как бы сложилась ее судьба.

...Одним словом, песня была создана. Матвей Блантер написал прекрасную мелодию, в которой была и чисто ростовская городская мелодика, и эскадронная казачья лихость. Премьера песни состоялась. И первым исполнителем был Леонид Утесов со своим знаменитым джазом.

К сожалению, вскоре передавать по радио ее прекратили, так как Ростов снова был захвачен немцами и находился в руках врага долгих пять месяцев. Но в тот день, когда Совинформбюро сообщило, что «освобожден город Ростов-на-Дону», песня вновь зазвучала в эфире.

С той встречи в номере Блантера и началась наша дружба с Виктором Гусевым. Я приходил к нему в Радиокomitee, на улицу Качалова, он бывал в моем общежитии «у крематория». Иногда я читал ему что-то свое, но все-таки больше слушал его. Он рассказывал о встречах с фронтовиками, где черпал множество деталей для своих песен, читал стихи, с болью в сердце рассказывал подробности боев, о которых узнавал из бесед с теми же солдатами и офицерами, приехавшими с передовой.

Тогда я уже отметил любовь Виктора почти детское преклонение его перед людьми в военной форме. Как-то в разговоре он смущенно обронил, что испытывает зависть к тем, кто проходит мимо него в шинели, подпоясанный широким ремнем с кобурой, поскрипывая сапогами.

— Ты знаешь, я даже чувствую запах кожи от португези, — как-то стыдливо, словно сознаваясь в каком-то проступке, сказал Гусев. Не раз я замечал, что, проходя мимо человека в военной форме, он расправлял плечи и подтягивался. А может быть, это только сейчас кажется?

...Как-то накануне празднования 25-летия Великой Октябрьской революции у нас с Гусевым в Радиокomitee произошел еще один памятный разговор.

— Анатолий, — обратился он ко мне, как всегда легко, словно разговор пойдет о пустячном поручении. — Скоро такой большой праздник. Есть просьба к тебе. Сделай для нас музыкально-драматическую композицию. Да не пугайся ты, — улыбнулся он и потянул меня за плечи. — Дело хоть и непростое, но нужное и интересное. Условий я тебе ставить не буду. Но... обязательно должна быть тема войны... Ведь война идет... Договорились? Нужна будет помощь — заходи ко мне.

Гусев простился со мной и собрался бы о продолжении свой путь, но остановился:

— Совсем забыл, — хлопнул он себя по лбу, — но необходимо учесть и такую деталь, что наравне со словом должна присутствовать и музыка, причем приближенная как можно ближе к народной музыке.

— А кто займется этим?

— Все будет зависеть от того, что поэт предложит в качестве стихотворной основы, но мы хотели обратиться к Анатолию Новикову.

— К Новикову? Это было бы очень хорошо... А Новиков знает об этом?

— А ты знаком с ним? — ответил вопросом Гусев.

— Только заочно. У меня были опубликованы стихи «Пять пуль». Новиков положил их на прекрасную музыку. Сейчас ансамбль Александра Разувивает песню.

— Вот и пиши с расчетом на Новикова. Этому композитору народности не занимать.

После этой встречи с Гусевым, в свободное время от работы в газете «Известия», куда я был зачислен военным корреспондентом с лета 1942 года, я пригласил радиокomitee «У Тихого Дона». Композитор Новиков написал замечательную музыку. Некоторые из этих песен поют и поныне. Это «Краснотал», «Казачья-круговая», «При дороге куст каляны»...

Так уж сложились обстоятельства, что премьеру моей передачи по радио я не услышал. 25-ю годовщину Октября я праздновал у брянских партизан, но, когда вернулся, услышал множество теплых слов о ней от моих знакомых. Естественно, сразу позвонил Гусеву.

— Ты куда пропал? — услышал я его голос.

— Был у брянских партизан.

— Да ну? — удивился Гусев.

— Задание редакции и политуправления армии. И свою песню на музыку Ситизмунда Каца там слышал. «Шумел сурово Брянский лес...»

— Смотри, как ты широко зазвучал. В брянских лесах с Зигой Кацем. В Москве — с Анатолием Новиковым. А передачу слушал?

— К сожалению, у них там только радиция... Не удалось... А в Москву только прилетел, — посетовал я.

— Тогда приезжай ко мне немедленно. Мы тебе устроим прослушивание!

Через час я сидел в студии и слушал композицию «У Тихого Дона» с музыкой Новикова, с казачьими, донскими, интонациями в литературном тексте.

Потом эта композиция еще долго звучала по радио.

...Последняя наша встреча с Виктором Гусевым состоялась в один из январских вечеров 1944 года. Мы случайно встретились с ним в БТО. Настроение у нас было великолепное. Гусев шутил, рассказывал анекдоты. Потом он вспомнил, что недавно на радио прозвучал смешной случай, когда один московский поэт решил выдать стихи другого поэта за свои, и только чудо убергло радио от скандала. Гусев смеялся, вытирая глаза от слез. И потом неожиданно серьезно сказал:

— Зачем ему это нужно было?

Мы простились, договорившись о встрече. Гусев поднял зортыньки пальто, махнул рукой и вышел в снежную хурговерьлицу. Больше встретиться нам не пришлось. 23 января 1944 года он скоропостижно скончался, на тридцать пятом году жизни.

Сейчас, вспоминая его удивительные песни «Слава», «Весна в Москве», «Сын Рыбакова», «Дружба», фильмы «Синарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», ловлю себя на том, что повторяю строки его песни:

...Друга я никогда не забуду,
Если в нем подружился в Москве!